

А.М. Гребнева

Мордовский государственный университет

**Роль диалектных данных
в словообразовательных процессах мордовских языков
(на материале флористической лексики)**

Аннотация: В статье освещается проблема ареального аспекта изучения особенностей суффиксального словообразования на материале флористической лексики мордовских (эрзянского и мокшанского) языков.

The article deals with the areal aspect of studying the peculiarities of suffix word-building (based on the flora lexis of the Erzya and Moksha languages).

Ключевые слова: финно-угорские языки, мордовские языки, суффиксальное словообразование, говоры, эрзянский язык, мокшанский язык.

Finno-Ugric languages, the Mordovian languages, suffix word-building, dialects, the Erzya language, the Moksha language.

УДК: 809.452.2.

Контактная информация: Саранск, ул. Большевистская, 68. МордГУ, кафедра эрзянского языка. Тел. (8342) 476087. E-mail: lengrebneva@rambler.ru.

Изучение особенностей «устройства» слов в любом языке, объединяемых в различные лексико-тематические группы, относится к числу проблем, важность разработки которых не вызывает никаких сомнений. Необходимость их описания в аспекте членимости на элементы, непосредственно участвующие в образовании производного слова, неоднократно подчеркивалась исследователями мордовских языков Н.Ф. Цыгановым [Цыганов, 1964, с. 179–192], М.Н. Коляденковым [Коляденков, 1962], Д.В. Цыганкиным [Цыганкин, 1975, с. 82–90; 2006], М.Д. Имайкиной [1979, с. 19–24]. А между тем до последнего времени вопросы словообразования, выделяемости в производных словах формантной и мотиваторной частей, многообразия народного словотворчества в рамках каждой тематической группы диалектной лексики оставались вне поля зрения мордовских языковедов. Мы не располагаем ни одной обобщающей научной работой, где были бы раскрыты с достаточной полнотой и ясностью словообразовательные возможности лексических микросистем, установлены в них как общие, так и отличительные особенности в мордовских (эрзянского и мокшанского) диалектах. Отсутствуют научные изыскания, где раскрывались с довольно объемно деривационные тенденции развития каждой лексико-тематической группы лексики в существующих диалектах. Все это заставляет обратить пристальное внимание исследователей на всестороннее изучение мордовской диалектной лексики, выявление в ней структурно не одинаковых производных лексем различных уровней сложности. Кроме этого, изучение лексико-тематических групп, представляет большой интерес в связи с подготовкой лексикографических работ в научных лингвистических центрах Республики Мордовия.

В рамках предлагаемой статьи рассматриваются «продукты фитонимического словообразования» на уровне суффиксальных возможностей. Выявляются отношения производности в кругу слов, относящихся к сложной системе мордов-

ских фитонимических названий. В ней дается синхронно-описательный и сравнительно-исторический аспект деривации. Главным условием для такого анализа является, на наш взгляд, обязательный учет диалектного материала, собранный автором в полевых условиях в ежегодных диалектологических экспедициях (начиная с 1980 года).

Словообразовательная структура это формально выраженная производность слова (в нашем случае фитонима), его «устройство», представляющее собой объединение различных по выполняемой функции частей: формантной и мотиваторной. Следует заметить, что отдельные мордовские фитонимы, их структурная организация, нашли отражение в научной литературе. Для нас важными в этом плане являются работы Д.В. Цыганкина [Цыганкин, 1963, с. 83–93; 1966, с. 383–394; 1981, с. 21–73; 2006], М.В. Мосина [Мосин, 1975, с. 41–50].

Как известно, диалект – это система взаимодействующих элементов, в которой в отличие от литературного языка сосуществуют разные факты, которые дают возможность полнее представить словообразовательные и номинационные возможности мордовских языков в рассматриваемой лексико-тематической группе. Сравнительное изучение этой системы предполагает, таким образом, суммарный анализ путей и приемов образования номинантов-фитонимов, общих и частных словообразовательных моделей, реализующихся при их создании.

Производное слово – это сложный комплекс структурно-семантических единиц языка. Его отличительной особенностью является, прежде всего, ярко выраженный вторичный характер; он воспринимается носителями языка как единица, зависимая, семантически связанная с исходным словом. Например, э. д. *l'om* «черемуха (дерево)» – э. л. *лём-зёр* «черемуха (плод)». Подобного рода основа должна содержать мотиватор, которая в структурном отношении является более сложной. Рассматривая характер членения фитонимов, необходимо подчеркнуть, что выделяющиеся корневые компоненты не всегда обладают прозрачной внутренней формой, некоторые из них представляют собой те или иные сочетания звуков, не соотносимые на современном уровне ни с какими единицами языка.

В мордовских (эрзянском и мокшанском) фитонимических названиях значительное место занимает суффиксация, представляющая собой старейший способ словообразования. Составляя часть слова, суффиксы влияют на его лексическое значение, например, э. л. *чевге*, э. д. *uivge* «калина (плод)» – э. л. *чевге-кс*, э. д. *uivge-ks* «калина (куст)» и др. Посредством суффиксов производятся многочисленные фитонимы. Мотиваторами для них служат существительные, прилагательные, глаголы. Конечно, не все суффиксы одинаково продуктивны. Мы рассмотрим их в порядке убывающей частотности.

-КС. Данный суффикс является финно-угорским по происхождению. Исследователи Б.А. Серебренников [Серебренников, 1967, с. 68–69], К.Е. Майтинская [Майтинская, 1959, с. 225], И.С. Галкин [Галкин, 1966, с. 18–20] предполагают, что он восходит к з-овому суффиксу со значением «предназначенный для чего-либо». Многие аффиксы, которые встречаются в мордовских языках при образовании фитонимов, регулярны и продуктивны:

1) автономные основы, т. е. существующие на правах отдельных слов. Наглядный пример – схема «название плода» → «наименование растения»: э. л. *вишня* – «вишня (плод)» – э. л. *вишня-кс* «вишня (растение)», *пизёл* «рябина (плод)» – *пизёл-кс* «рябина (дерево)», *инзей* «малина (плод)» – *инзей-кс* «малина (куст)».

Посредством суффикса -кс образованы некоторые фитонимы от автономных основ, не относящихся к флористической лексике: м. л. *вал* «слово» – *вал-кс* «словарь», э. л. *недь* «черенок» – э. л. *недь-кс* «ботва», э. л. *сур* «палец» – э. л. *сур-кс* «кольцо» и др.;

2) связанные основы, функционирующие только в сочетании с суффиксом -кс. Некоторые из них имеют затемненную внутреннюю форму: э. л. *пеиш-*,

м. л. *пяш-*, э. л. *пеш-кs* «орешник», м. л. *пяш-кs* «орех (куст)», э. л. *нартем-*, э. л. *нартем-кs* «попынь», м. л., э. л. *пала-*, м. л., э. л. *пала-кs* «крапива» (мотивирующие основы *пеш-*, *нартем-*, *пала-* самостоятельно не употребляются).

В мокшанском языке а также в некоторых его говорах возможно осложнение форманта *-кs* суффиксальным элементом *-в/-ф*. В этих случаях перед нами сложный суффикс *-вкс/-фкс*: м. л. *пяштерь-кs* «орешник» (*пяште* «орех»), м. л. *рдьт'е* «орех» (н. пчн.) – *рдьт'е-фкс* (н. пчн.) «орешник», м. л. *груља* «груша (плод, дерево)» – *груља-фкс* (шгв.) «груша (дерево)», м. л. *шапарякс* – *шапар'а-фкс* (н. пчн.) «редька». Суффикс *-в*, в составе *-вкс*, генетически соотносится с общемордовским словообразовательным суффиксом *-н'*. Мотивирующей основой для таких фитонимов явились образования типа э. д. *vi'np'a* – **vi'np'a-v* «вишневый» (< *vi'np'a-n* «место, изобилующее вишнями»), м. д. *vi'np'a-фкс* (шгв.) «вишня (дерево)»;

3) полуавтономные основы: в одних говорах мотиваторы встречаются в виде отдельного слова: э. д. *l'om* (шгр.) «черемуха (дерево)» – э. л. *лём-зёр* «черемуха (плод, дерево)». То же самое можно проследить и в мокшанском литературном языке, например: *чивге* «калина (плод)» – *чивгокс* «калина (дерево)». Если сравнить данный номинант с диалектными данными, то в эрзянских говорах можно выявить «наращение» э. л. чевгель «калина» данным суффиксом э. д. *uevge-l'-ks* (б. мрс.) «калина (дерево)».

Некоторые производные номинанты с суффиксом *-кs* не получают нового значения: в одних говорах слово функционирует как непроемная основа, в других – эта же основа осложняется суффиксом *-кs* (в данном случае перед нами факт избыточности языковых средств): *укитор* – *uk'itor-ks* (мл.) «клен», «тополь» – *topol'-ks* (мл.) «тополь», *normar'* (прм.) – *normar'-ks* (ст. бдк.) «клубника», м. л. *шукитур* – *шукитур-кs* «смородина», *sör'en'* (дрк.) – *sir'en'-ks* (кжл.) «сирень», *нудей* – *nud'ej-ks* (мл.) «тростник», *сандей* – *san'd'ej-ks* (мл.) «камыш».

Имеются эрзянские говоры, относящиеся к пермисскому кусту юго-восточного диалекта (Большеберезниковский район Республика Мордовия), в которых суффиксу *-кs* соответствует *-кт*: э. л. *пизёл* «рябина (плод)» – *piz'ol-kt* (прм.) «рябина (дерево)», э. л. *инзей* «малина (ягода)» – *in'z'ij-kt* (прм.) «малина (куст)». Элемент *-т* в составе суффикса *-кт* восходит к показателю множественного числа *-т*. Последний, как правило, присоединяется к суффиксу *-кs*: *piz'ol-kst* – *piz'ol-kt*.

-РКС. В единичных номинантах отмечается суффикс *-ркs*: э. л. *пяште* «орех» – *пяштерькс* «орешник», *реље* «орех» – *реље-ркs* (м. слб.) «орешник», куст «куст» – *кустеркс* «пустырник», *кода-* «плести, сплести» – *кодоркс* «плеть огурца, тыквы», «ботва». *Р*-овый компонент в аффиксе этимологически может быть связан с марийским суффиксом *-эр* (орф. *-ер*). С его помощью, как об этом пишет И.С. Галкин, образуются существительные с собирательным значением от существительных, обозначающих различные породы деревьев и кустарников: мар. *кож* «ель» – *кожер* «ельник», *пянчо* «сосна» – *пянчер* «сосняк», *ломбо* «черемуха» – *ломбер* «черемушник», *нуж* «крапива» – *нужер* «крапивник» [Галкин, 1966, с. 13–14]. Т. Lehtisalo возводит его к уральскому **r*-овому суффиксу отыменных имен существительных [Lehtisalo, 1936, с. 12].

-КАЙ, -ГАЙ. Это один из самых продуктивных суффиксов, и не только в сфере ботанической терминологии. В мордовских диалектах (особенно эрзянских) с суффиксом *-кай*, *-гай* произведены многочисленные названия дикорастущих и некоторых культурных растений. Мотиваторами при этом суффиксе могут быть разные части речи: существительное, прилагательное, глагол. Мотивация производных основ, как правило, семантически прозрачна, т. е. фитонимы с *-кай/-гай* сохраняют внутреннюю форму.

Выделяются три подгруппы, где мотивирующая основа:

1) существительное: *варма* «ветер» – *вармань-кай* «ветреница», *ловсо* «молоко» – *lovсбн'-кай* (анд.) «молочай» – *lovса-кай* (алв.) «одуванчик» (чередование гласных на границе морфем), сюкоро «лепешка» – *s'ukor-кай* (дрк.) «просвирник»

(выпадение гласного звука производящей основы – э. л. *сюкоро*), *ваз* «теленок» – *vazbɔn'-kaj* (чкл.) «одуванчик», *мастор* «земля, почва» – *мастор-кай* «клубника» (Евсеев Р-267), *ваз* «теленок» – *вазынь-кай* «мать-и-мачеха» (Евсеев Р-267);

2) прилагательное: *ламбамо* «сладкий» – *lamba-kaj* (клв., ст. бдк.) «брюква», *якстере* «красный» – *якстерь-кай* «свекла», *сэнъ* «синий» – *sen'-gaj* (лбс.) «под-снежник», *ризаня* «кисло-сладкий» – *r'iza-kaj* (пвд.), *r'izan'-kaj* (клс.) «щавель», *раужо* «черный» – *ravh'-kaj* (дрк.) «черный паслен», *навло* «слизь, слизистый» – *navbl'-kaj* (трс.) «масленок», *наволо* «покрытый слизью, скользкий» – *naul-kaj* (мл.) «масленок»;

3) глагол: *пед'а-* «пристать» – *ped'a-gaj* (алв.) «репей», *пед'а-кай* (смл.) «череда», *пуна-* «уколоть» – *pupi-gaj* (алв.) «шиповник», *лакистор-* «производить шум, трещать» – *lak'ytar-kaj* (шгр.) «колокольчик», *кал'д'ер'д'е-* «дребезжать, звенеть» – *kal'd'er'-kaj* (чкл.) «хлопунец», *чикор-* «скрипеть» – *uikor-kaj* (ст. ард.) «дубовик».

По структуре суффикс *-кай/-гай* является сложным: *-ка* + *-й*. Д.В. Цыганкин указывает, что элемент *-ка* возводится к финно-угорскому **-kk* -овому суффиксу, а *-j*, возможно, отражает рефлекс финно-угорского **-j* [Цыганкин, 1981, с. 47–48].

-ИНА//ЫНА, -ЭНА//ИНА, -ОНА//УНА. Мотивирующими могут служить как мордовские, так и русские основы – названия плодовых деревьев: э. л. *чевгель* – *cevgel'-ina* (клс.) «калина (дерево)», *марь* – *mar'-эна* (м. юнк.), *mar'-уна* ~ *mar'-она* (тмш.), *mar'-ина* (кжл.), *jablok* – *jablok-ina* (кчк.дбн.) «яблоня», *умарь* – *умар'-ина* «яблоня», *пизёл* – *piz'ol'-бна* (тзн.) «рябина (дерево)». Б.А. Серебренников соотносит суффикс *-ина/-эна* с пермским суффиксом *-ин* [Серебренников, 1967, с. 67].

-РИНА. Источником появления *р*-ового элемента в суффиксе *-рина*, как считает Д. В. Цыганкин, был непроемный фитоним *умарь* «ягода», от которого был «отпочкован» конечный элемент и присоединен к суффиксу *-ина*: *умар'* – *умар'-ина*, но *груша* «груша (плод)» – *gruša-r'ina* (анд.) «груша (дерево)», *пеште* «орех» – *пель'e-r'ina* (анд.) «орешник» [Цыганкин, 1981, с. 53]. Нам думается, что возможен и другой подход к объяснению истории элемента *-р*: не исключена его генетическая связь с суффиксом *-р*, восходящим к финно-угорскому **r*-овому суффиксу.

-Р'ИНДА. Суффикс зарегистрирован в единичных диалектных наименованиях растений: э. д. *uevge-r'inda* (прд.) «калина (дерево)», *пель'e-r'inda* (прд.) «орешник». Он состоит из трех компонентов: *-р/р'* + *-ина* + *-да*. Элемент *-да* обязан своим происхождением аналогии с диалектными словоизменительными формами типа э. д. *кудондо* (э. л. *кудонзо*) «его (её) дома», э. д. *цёррандо* (э. л. *цёранзо*) «его (её) сыновья».

В ряде говоров обоих языков в фитонимах, обозначающих деревья, вообще нет словообразовательного суффикса. Названиям, в составе которых в других говорах выделяется суффикс, в них соответствуют слова со вторым компонентом (в качестве определяемого слова) *чувто* «дерево», *ундо* ~ *ондо* «дупло», а в некоторых – *каль* «ива»: э. л. *пизёл чувто* «рябина (дерево)», э. л. *умарь чувто* «яблоня», э. д. *vi'ɲ'a kal'* (лбс. ич.) «вишня (дерево)», э. д. *умарь ундо* (ивн.), *umar' ondo* (отр.) «яблоня», *uavz'el' undo* (взм.) «калина (дерево)», *пель'e uiftu* (смл.) «орешник», м. д. *umar' unda* (в. алт.) «яблоня». Есть эрзянские говоры, где вместо собственно мордовского слова э. л. *чувто* используется русское *сад*. В номинанте оно выполняет как вспомогательный словообразовательный элемент, а доминантой служит первый компонент: э. д. *topol' zad* (ст. ард.) «тополь», *vi'ɲ'a sad* (жбн.) «вишня (дерево)», *inz'ez zad* (ст. ард.) «малина (куст)», *ovto umar' zad* (ст. ард.) «шиповник (куст)» и др. В данном случае происходит семантический сдвиг – сужение значения русской лексемы *сад*. Подобное использование слова *сад* впервые было замечено Д.В. Цыганкиным [Цыганкин, 1977, с. 326]. В говорах на скафтымского куста (Пензенская обл.) *сад* наряду с обычным употреблением зафиксирован

в значении «комнатный цветок».

-ЛКС. По мнению С.З. Деваева, этот суффикс возник в результате перемещения морфемной границы в слове. Л-овый компонент является конечным элементом основы мотиватора, который, «отпочковавшись», присоединился к суффиксу -кс: *чевгел* «калина (плод)» – *чевгел'-кс* «калина (дерево)», но *пеште* «орех» – *пельт'e-lks* (чкл.), *пельт'e-lks* (пдл.) «орешник». По нашему мнению, суффикс -л в составе -лкс восходит к самостоятельному суффиксу -р ~ -л. Его можно отметить и в других номинантах: *вишня* – *viŋn'a-lks* (пкс.) «вишня (дерево)», м. л. *равжа* «черный» – *ravhə-lks* (пкс.) «черный паслен», *слива* «слива (плод)» – *sl'ivə-lks* (пкс.) «слива (дерево)», э. л. *шукшторов* «смородина (ягода)» – *uukʲturu-lks* (прп.) «смородина (куст)». Суффикс -лкс характерен преимущественно для производных лексем мокшанского языка, в эрзянском языке он встречается в смешанных говорах: на территории Мордовии – в присурских, в Пензенской области – в насафты-мских говорах.

При номинации понятия «калина» (дерево) в эрзянском языке к интегрированной основе э. л. *чевге* «калина (плод)» присоединяется суффикс -кс, осложненный л-овым компонентом (*чевге-л'-кс*), в мокшанском – без этого компонента (*чевго-кс*). Л-овый компонент вычленяется и в слове э. л. *пешт'e-лкс*, м. л. *пяште-лкс* «орешник» (э. л. *пешт'e* «орех»). По деривационному аффиксу и значению производящей основы сюда же следует отнести: э. л. *пиз'ол*, «рябина (плод)», *kut'ol uuvto* (ппл.) «акация», *kut'ol* (дрк. тр.), *kut'olks* (мл.) «стручок гороха».

-КА//ГА. С помощью этого суффикса образован ряд номинантов со значением носителя признака, названного производящей основой. Мотиваторами являются существительные, глаголы, прилагательные: э. л. *чинярька* «бутень клубненосный» – *чине* «аромат, запах» (компонент -р, как было отмечено выше, имеет генетическое отношение к древнему суффиксу, вычленяемому в ряде лексем), *r'izan'-ka* (шгр.) «щавель» – э. л. *ризаня* «кисло-сладкий», *kalac'-ka* (нпл.) «первоцвет весенний» – э. л. *калаця* «калач», *s'es'a-ga* (клс.) «кувшинка» – э. л. *цеця* «цветок», *ret'kel'-ka* (алв.) «хвощ полевой» – э. л. *петькель* «пест», *pic'i-ga* (вrm.) «крапива» – э. л. *пице-* «обжигать», *roc'im-ka t'ik'ye* (смл.) «клевер» – э. л. *поце-* «сосать», *ronav-ka* (дгл.) «шиповник» – э. л. *понав* «волосатый, лохматый». Как морфологическую примету аналогичный суффикс можно обнаружить в адаптированных русских заимствованиях: *natal'-ka* (пкс.) «масленок», *t'vet-ka* (сбн.) «цветок», *iv-ka* (блд. зп.) «ива», *biz'in'i-ga* (м. слб.) «бузина», *metl'i-ga* (ст. слщ.) «мятлик».

Вне сферы рассматриваемых лексем суффикс -ка/-га весьма продуктивен. Исследователями он возводится к уральскому суффиксу отыменных существительных на *-kka [Майтинская, 1959, с. 50; Аристэ, 1968, с. 206; Галкин, 1966, с. 44–45].

-МКА. С помощью этого суффикса произведен ряд фитонимов от глагольных основ: э. д. *вел'ке-мка* (шгр.) «болиголов пятнистый» – *вешке-* «свистеть», э. д. *рак'таје-мка* (прк.) «хлопунец» – *пакштай-* «хлопнуть», э. д. *рос'e-мка* (дрк.) «клевер луговой» – *поце-* «сосать». В фитонимах типа *вешкемка*, *пакштаемка*, *роцемка* наблюдается контаминация двух суффиксов – -ма и -ка. Первый из них по происхождению является общефинно-угорским и восходит к собственному суффиксу, выделяемому в существительных типа э. л. *лис-ма* «колодец» – *лисемс* «выходить», э. л. панжо-ма «замок» – пан -жомс «открывать» [Серебренников, 1967, с. 70; Цыганкин, 1981, с. 41–42].

-КО, -КЕ//ГЕ, -КД//ГД. Данный суффикс в современных мордовских языках относится к числу нерегулярных. Он производит лишь единичные фитонимы: э. д. *пул-ко* (атш.), *пул-ке* (дрк.) «водоросль» – *нола-* ~ *нул-* «скользящий», *modar'-ke* (вrm.) «картофель» – *мода* «земля» + *марь* «плод» + суффикс -ке; м. д. *panuf-kd* (врж.) «цветок» – *панчф-* «открывать», *l'epe panuf-kd* (т. птм.) «донник», э. д. *uast-ke* (сзг.) «гвоздика лесная» – *частай* «частый», э. м. *zav'or-kd* (кжл.) «вьюнок» – *завёр-* «заворачивать». В некоторых фитонимах, производящие основы лишены способности употребляться вне связи с этим суффиксом: э. л. *мушко*, м. л. *мушка*

«кудель, конопля», мр. *муш* «пенька, кудель». Диахронно он выделяется в фитонимах э. л. *чурька*, м. л. *шурькя* «лук», э. л. *чевге*, м. л. *чивге* «калина (ягода)» (ср. мр. *шаршы*, к. *жов*, *жо*).

Суффиксу *-ко*, *-ке/-ге*, *-кд/-гд*, по мнению ряда исследователей (Лехтисало, 1936, с. 359–367; Серебренников, 1967, с. 145; Галкин, 1966, с. 41; Цыганкин, 1981, с. 44), имеются соответствия в родственных языках. Во всех них он продолжает прауральский суффикс отыменных существительных **-ka*.

-В. В рассматриваемой группе номинантов суффикс *-в* в качестве словообразовательного суффикса встречается редко. Его можно выделить в таких фитонимах, как э. л. *шукшторо-в* – э. д. *шукьторо* (отр.) «смородина», м. д. *пура-в* (грд. д.) «шиповник» – *пула* «уколоть», э. д. *il'o-v* (дрк.) «ветла» – м. л. *или* «прут, ветка», э. л. *чоржа-в* – э. д. *чорджа* «молочай» [Объедин, 1961, с. 140]. В некоторых номинантах рассматриваемый суффикс интегрирован: э. д. *umbrav* (трс.) «шавель», ср. к. *омра* ~ *умра* «дягиль» [Ракин, 1979, с. 138]. Он отражает следы общемордовского суффикса **-н²*. Его источником явились финно-угорские **к*-овый и **н*-овый суффиксы, рефлекс которых обнаруживаются в отыменном и отглагольном словообразовании в некоторых финно-угорских языках [Надькин, 1968, с. 40–41].

-НЕ. В системе мордовского именного словообразования этот аффикс относится к числу суффиксов субъективной оценки. В некоторых мокшанских говорах он отмечен с деривационным значением: м. л. *якстерь* «красный» – м. д. *jaks't'er-n'e* (м. юнк.) «сахарная свекла», э. л., м. л. *луга* «луг» – м. д. *luga-n'e* (н. снч.) «подорожник». В этих фитонимах *-не* теряет диминутивное значение. По происхождению суффикс является общфинно-угорским и восходит к уменьшительному суффиксу **-ne* [Серебренников, 1967, с. 69].

-КСНА. Суффикс состоит из двух компонентов: *-кс* + *-на*. Продуктивный суффикс *-кс* осложняется суффиксальным компонентом *-на* (генетически связанным с финно-угорским уменьшительным суффиксом) и вместе с ним образует сложный формант. Он характерен в основном для шокшанских говоров. Посредством *-ксна* главным образом производятся названия плодовых деревьев и кустарников от названий плодов: *lomz'ur* «черемуха (ягода)» – *lomz'ur-ksna* (шкш.) «черемуха (дерево)», *шul'a* «черника» – *шul'a-ksna* «брусника» (дрк. тр.), *polda* «округлость» – *polda-ksna* «брусника (куст)», *шукьторо* «смородина (ягода)» – *шукьторо-ksna* «смородина (куст)», *груша* «груша (плод)» – *груша-ksna* «груша (дерево)», *увге* «калина (ягода)» – *увге-ksna* (скв.) «калина (дерево)» и др.

-ОВНИК. В номинантах, зафиксированных в эрзянском селе Бодышья Каменка Красноармейского района Самарской области, данный суффикс вычленяется как словообразовательный формант в таких фитонимах, как *vi'ln'-ovn'ik* (б. кмн.) «вишня (дерево)», *dul'-ovn'ik* (б. кмн.) «груша (дерево)», *pe'lt'-ovn'ik* (б. кмн.) «орешник» (< э. л. пеште «орех»). Это заимствованный из русского языка суффикс: в его структуре вычленяется два компонента *-ов* и *-ник*, восходящих к словообразовательному суффиксу русского языка.

-АНКА//НЬКА, -УНКА. Суффиксы входят в состав немногих эрзянских диалектных фитонимов: *ohl-anka* (рнд.) «волнушка» – *ожола* «желтоватый», *umar'-unka* (ивн.) «яблоня» – *умар'* «яблоко», *r'iz-anka* (дгл.) «рыжик» – *р'ижой* «рыжий», *uavka-n'ka* (шгр.) «клевер» – *чавка* «галка», *b'iz'ol-unka* (ст. ивнц.) «рябина (дерево)» – *b'iz'ol* < э. л. *пизёл* «рябина (плод)». Суффикс *-анка* представляет собой заимствование и восходит к русскому суффиксу *-янк(а)* ~ *-анк(а)*. В начальную эпоху формирования русской ботанической терминологии (2-я пол. XVIII в.), как отмечает Т.А. Боброва, этот суффикс был очень продуктивен. Достаточно вспомнить такие русские народные наименования растений, как **нивянка**, **белянка**, **мешанка**, **бруснянка**, **землянка** и т. д. [Боброва, 1979, с. 110].

-СЕР//ЗЕР//ЗЁР//ЗЮР, -ДЕР//ДЮР. Суффикс отмечается в единичных названиях: *gol'-z'er* (м. крм.) «роза» – *гол'* < тюрк. тат. л. *гөл* «цветок», *l'om-z'or* ~

l'om-zer (мл.) «черемуха (плод)» – *l'on'-d'zir* «черемуха (дерево)» (в некоторых эрзянских говорах лексемой *л'ом* обозначается пойма), *rouk-s'er* (скв.) «дягиль» – *почко* «стебель», *kan'-d'ur* (шкш.), *kan'-z'ur* (млс.) «конопляное семя» э. л. *кансть* «конопля». В э. д. *in'd'er' – in'z'er'* (скв.) «жимолость», м. л. *виндэръкс* «можжевельник» суффикс интегрирован. Мы не исключаем его этимологическую связь с марийским суффиксом *-дар ~ -дер*. Последний, по данным И.С. Галкина, встречается в некоторых говорах марийского языка: *каждар* «ельник» – *кож* «ель», *атыдер* «посуда» – *аты* «посудинка» [Галкин, 1966, с. 15], ср. э. л. *салдырь-кс* «солонка» – *сал* «соль». Чередование *с ~ з ~ д* в (эрзянском и мокшанском говорах) суффиксе возможно. Оно наблюдается не только в фитонимических образованиях, но и в глагольных формах: э. д. *молиндерян* – э. д. *мол'инз'ер'ян* «если я пойду» и др.

-ШКА. Как словообразовательный элемент *-шка* вычленяется в немногих наименованиях фитонимов: *gibu-ьka* (слщ. ич.) «кувшинка», *tata-ьka* (лбс.) «подснежник», *tatu-ьka* (рмз.) «одуванчик», *uastu-ьka* (сбв.) «гвоздика» – частой «частый», *umbra-ьka* (шгр.) «щавель» – э. л. *умбрав* «щавель». Д.В. Цыганкин считает, что элемент *-ка* может восходить к уральскому отыменному суффиксу **-kka < *kkd*, а компонент **ш** – неясного происхождения [Цыганкин, 1981, с. 42]. Нам думается, что нельзя исключать родство мордовского суффикса *-шка* с русским морфологическим элементом *-шка*, обнаруживаемым в словах типа **петрушка, ромашка, волнушка**.

Особо выделим интегрированные фитонимы. Установление в них границы между корнем слова и словообразовательным суффиксом возможно лишь с привлечением параллелей из других родственных языков. Примерами деривационной интеграции могут служить следующие: э. л. *пеште* «орех», пешкс «орешник», уд. *паш* «орех», *пашпу* «орешник», к. *пашкан* «шиповник», мр. *пякшермы* «орешник»; м. л. *или* «прутик, ветка», к., уд. *ул* «ветка»; э. л. *сирть*, м. л. *сирек*, ф. *saarni* «ясень»; э. л. *лияназ*, общесл. *льпъ*, лит. *linai* (мн. ч.), лат. *linaum*, гот. *lein*, др.-ирл. *lín* «лен»; э. л. *чевге*, м. л. *чивге*, э. д. *uevgel'*, уд. *шу*, к. *жов*, мр. *шоршо* «калина (плод)».

Рассматривая пути обогащения номинантов мордовских языков с помощью диалектных данных, нельзя не учитывать и те, которые дают готовые языковые единицы, т. е. заимствования. Они зависят от способов словообразования новых номинантов в рассматриваемой тематической группе. Существуют так называемые гибридные производные – сочетания генетически иносистемных морфем, когда мордовская производящая основа дополняется иноязычным суффиксом или к иноязычным основам присоединяются мордовские суффиксы. Сочетание мордовских суффиксов и русских основ происходит значительно свободнее, чем иноязычного суффикса с собственно мордовскими словами: русск. *пест* – э. д. *pest-aj* (дрк.), *pest-iuka* (алв.) «хвощ полевой», русск. *яблоко* – э. д. *jablok-ina* (кчк. дбн.) «ябло-ня», русск. *слива* – э. д. *sl'iva-r'ina* «слива (дерево)», русск. *вишня* – э. д. *vi'ln'a-r'ina* «вишня (дерево)» и др.

Условные сокращения

Алв – говор населенного пункта Алово Атяшевского района Республики Мордовия (РМ); **анд.** – г. н. п. Андреевка Атяшевского р-на РМ; **атш.** – г. н. п. Атяшево Атяшевского р-на РМ; **блд.зп.** – Zubovo-Polyanskogo р-на РМ; **б.кмн.** – г. н. п. Большая Каменка Красноармейского р-на Самарской обл.; **б.мрс.** – г. н. п. Большое Маресево Чамзинского р-на РМ; **в. алт.** – верхнеалатыйский говор Республики Чувашия; **вrm.** – г. н. п. Вармазейка Бошеигнатовского р-на РМ; **грд.д.** – городищенский диалект Пензенской обл.; **дгл.** – г. н. п. Дегилевка Большеберезниковского р-на РМ; **дрк.** – г. н. п. Дюрки Атяшевского р-на РМ; **дрк. тр.** – г. н. п. Дракино Торбеевского р-на РМ; **ивн.** – г. н. п. Иванцево Лукоя-

новского р-на Нижегородской обл.; **жбн.** – г. н. п. Жабино Ардатовского р-на РМ; **к.** – коми; **кжл.** – г. н. п. Кажлодка Торбеевского р-на РМ; **кль.** – г. н. п. Клявлино Клявлинского р-на Самарской обл.; **клс.** – г. н. п. Каласево Ардатовского р-на РМ; **кчн.дбн.** – г. н. п. Кочкурово Дубенского р-на РМ; **мар.** – марийский; **мл.** – г. н. п. Мокшалай Чамзинского р-на РМ; **м. л.** – мокшанский литературный; **м. д.** – мокшанский диалектный; **м. слб.** – г. н. п. Мордовская Селитьба Челно-вершинского р-на Самарской области; **м. юнк.** – г. н. п. Мордовские Юнки Торбеевского р-на РМ; **н.пчн.** – г. н. п. Новые Пиченгуши Ельниковского р-на РМ; **отр.** – г. н. п. Отрадное Чамзинского р-на РМ; **пвд.** – г. н. п. Поводимово Дубенского р-на РМ; **пкс.** – г. н. п. Пиксяси Ардатовского р-на РМ; **ппл.** – г. н. п. Папулево Ичалковского р-на РМ; **прд.** – г. н. п. Парадеево Ичалковского р-на РМ; **прк.** – г. н. п. Паракино Большеберезниковского р-на РМ; **прп.** – г. н. п. Парапино Ковылкинского р-на РМ; **сбв.** – г. н. п. Сабаево Кочкуровского р-на РМ; **сзг.** – г. н. п. Сузгарье Рузаевского р-на РМ; **сбн.** – г. н. п. Кочкуровского р-на РМ; **скв.** – г. н. п. Сакаево Теньгушевского р-на РМ; **смл.** – г. н. п. Симилай Кочкуровского р-на РМ; **ст. ард.** – г. н. п. Старое Ардатово Ардатовского р-на РМ; **ст.бдк.** – г. н. п. Старое Бадиково Zubovo-Polyanskogo р-на РМ; **ст. ивац.** – г. н. п. Старое Иванцево Шатковского р-на Нижегородской обл.; **тат. л.** – татарский литературный; **тзн.** – г. н. п. Тазнеево Атяшевского р-на РМ; **т.лгм.** – г. н. п. Тарханская Потьма Zubovo-Polyanskogo р-на РМ; **тмш** – г. н. п. Темяшево Старошайговского р-на РМ; **тюрк.** – тюркские; **чкл.** – г. н. п. Ардатовского р-на РМ; **шгв.** – г. н. п. Старое Шайгово Старошайговского р-на РМ; **шгр.** – г. н. п. Шугурово Большеберезниковского р-на РМ; **шкш.** – г. н. п. Шокша Теньгушевского р-на РМ; **э. д.** – эрзянский диалектный; **э. л.** – эрзянский литературный.

Прочие сокращения

Евсеев - 267 – Архивный словарный материал М.Е. Евсеева, Центральный государственный архив Республики Мордовия; **Paasonen** – Х. Paasonen, Mordwinisches Werterbuch, Helsinki, 1990–1996.

Литература

- Аристэ П.А. Вопросы балтийских заимствований // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 6. С. 14–18.
- Боброва Т.А. Из истории терминологической системы // Русский язык в школе. 1979. № 4. С. 109–110.
- Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола, 1966. Ч. 2.
- Деваев С.З. Средневадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 161–433.
- Имайкина М.Д. Морфологическое членение мордовского слова // Финно-угристика. Саранск, 1979. Вып. 2. С. 19–24.
- Майтинская К.Е. Венгерский язык. М., 1959.
- Мосин М.В. Словообразовательный анализ ботанической терминологии эрзянского языка // Вопросы языкознания. Саранск, 1975. Вып. 2. Ч. 1. С. 44–47.
- Надькин Д.Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1968. Т. 5. С. 129–164.
- Объедин В.Д. Этимологические заметки // Вопросы мордовского языкознания. Саранск, 1972. Вып. 42. С. 141–143.
- Ракин А.Н. Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ) // Вопросы лексикологии коми языка. Тр. Ин-та языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1979. С. 129–164.
- Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967.

Цыганкин Д.В. Слово в присурских говорах эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: В 5 т. Саранск, 1961–1968. Т. 2. Саранск, 1962. С. 83–89.

Цыганкин Д.В. Лексические особенности эрзянских говоров // Очерки мордовских диалектов: В 5 т. Саранск, 1961–1968. Т. 4. Саранск, 1966. С. 345–351.

Цыганкин Д.В. Морфологические особенности эрзянского слова в области словообразования // Вопросы языкознания. Саранск, 1975. Вып. 2. С. 82–90.

Цыганкин Д.В. Словообразование в мордовских языках. Саранск, 1981.

Цыганкин Д.В. Морфемика и словообразование в мордовских языках. Саранск, 2006.

Цыганов Н.Ф. Абсолютная (внепадежная форма) // Ученые записки Морд. гос. ун-та. 1964. № 43. С. 179–192.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка // Фонетика и морфология. М., 1953. Ч. 1.

Lehtisalo T. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe // Memoires de la Societe Fenno-ougrienne. Helsinki, 1936.